

(1)Ялтинская дача Чехова стояла почти за городом, глубоко под белой и пыльной аутской дорогой. (2)Не знаю, кто ее строил, но она была, пожалуй, самым оригинальным зданием в Ялте. (3)Вся белая, чистая, лёгкая, красиво несимметричная, построенная вне какого-нибудь определённого архитектурного стиля, с вышкой в виде башни, с неожиданными выступами, со стеклянной верандой внизу и с открытой террасой вверху, с разбросанными то широкими, то узкими окнами, — она походила бы на здания в стиле модерн, если бы в её плане не чувствовалась чья-то внимательная и оригинальная мысль, чей-то своеобразный вкус. (4)Дача стояла в углу сада, окружённая цветником...

(5)Цветничок был маленький, далеко не пышный, а фруктовый сад ещё очень молодой. (6)Росли в нём груши и яблони-дички, абрикосы, персики, миндаль. (7)В последние годы сад уже начал приносить кое-какие плоды, доставляя Антону Павловичу много забот и трогательного* какого-то детского удовольствия. (8)Когда наступало время сбора миндальных орехов, то их снимали и в чеховском саду. (9)Лежали они обыкновенно маленькой горкой в гостиной на подоконнике...

(10)Антон Павлович с особенной, ревнивой любовью относился к своему саду. (11)Многие видели, как он иногда по утрам, сидя на корточках, заботливо обмазывал серой стволы роз или выдёргивал сорные травы из клумб. (12)А какое бывало торжество, когда среди летней засухи наконец шёл дождь, наполнявший водою запасные глиняные цистерны!

(13)Но не чувство собственника сказывалось в этой хлопотливой любви, а другое, более мощное и мудрое сознание. (14)Как часто говорил он, глядя на свой сад прищуренными глазами: — Послушайте, при мне здесь посажено каждое дерево. (15)И, конечно, мне это дорого. (16)Но и не это важно. (17)Ведь здесь же до меня был пустырь и нелепые овраги, все в камнях и в чертополохе. (18)А я вот пришёл и сделал из этой дичи культурное, красивое место.

(19)Знаете ли? — прибавлял он вдруг с серьёзным лицом, тоном глубокой веры. — (20)Знаете ли, через триста-четырееста лет вея земля обратится в цветущий сад. (21)11 жизнь будет тогда необыкновенно легка и удобна.

(22)Эта мысль о красоте грядущей жизни, так ласково, печально и прекрасно отозвавшаяся во всех его последних произведениях, была и в жизни одной из самых его задушевных, наиболее лелеемых мыслей. (23)Как часто, должно быть, думал он о будущем счастье человечества, когда по утрам, один, молчаливо подрезал свои розы, ещё влажные от росы, или внимательно осматривал раненный ветром молодой побег. (24)А сколько было в этой мысли кроткого, мудрого и покорного самозабвения!

(25)Нет, это не была заочная жажда существования, идущая от ненасытного человеческого сердца и цепляющаяся за жизнь, это не было ни жадное любопытство к тому, что будет после него, ни завистливая ревность к далеким поколениям. (26)Это была тоска исключительно тонкой, прелестной и чувствительной души, непомерно страдавшей от пошлости, грубости, скуки, праздности, НАСИЛИЯ, ДИКОСТИ — от всего ужаса и темноты современных будней. (27)И потому-то под конец его жизни, когда пришла к нему огромная слава, и сравнительная обеспеченность, и преданная любовь к нему всего, что было в русском обществе умного, талантливого и честного. — он не замкнулся в недостижимости холодного величия, не впал в пророческое учительство, не ушёл в ядовитую и мелочную вражду к чужой известности. (28)Нет, вся сумма его большого и тяжёлого житейского опыта, все его огорчения, скорби, радости и разочарования выразились в этой прекрасной, тоскливой, самоотверженной мечте о грядущем, близком, хотя и чужом счастье.

— (29) Как хороша будет жизнь через триста лет!

(30)И потому-то он с одинаковой любовью ухаживал за цветами, точно видя в них символ будущей красоты, и следил за новыми путями, предлагаемыми человеческим умом и знанием. (31) Он с удовольствием глядел на новые здания оригинальной постройки и на большие морские пароходы, интересовался всяким последним изобретением в области техники и не скучал в обществе специалистов. (32)Он с твердым убеждением говорил о том, что преступления вроде убийства, воровства и прелюбодеяния совершаются всё реже, почти исчезают в настоящем интеллигентном обществе, в среде учителей, докторов, писателей. (33) Он верил в то, что грядущая, истинная культура облагородит человечество.

(По А.И. Куприну)